

ниями библейских текстов соседствуют воспоминания о мелких личных обидах и бытовые подробности и наблюдения; и, соответственно, тяжело-весная парадная церковно-славянщина смешивается с московским просторечием, формулами подьяческого делопроизводства и фольклорными эпитетами и метафорами.

Человек большого писательского дарования, Грозный столь же не сдержан в своей литературной деятельности, как и на государственном поприще. Грозный полагал излишним литературное редактирование своих сочинений («занеже слово мимощественно, а не поостоятельно» (стр. 206)), а ближайшие его сотрудники не рисковали вносить в эти сочинения даже стилистические поправки. Отсюда неряшливость формы, многочисленные повторы и отступления, растянутость изложения, нагромождение плохо соединенных между собою цитат. Но отсюда же и непосредственность изложения, естественность языка, полнокровность и многообразие лексики. Все эти черты заметно отличают послания Грозного от сочинений Курбского, изящных по форме, немногословных, тщательно продуманных, «яко обычеи искусным и ученым».⁶

В посланиях Грозного преобладают еще церковно-славянские словарь и грамматические формы.⁷ Это обусловлено и характером образования Грозного⁸ и характером его общественного мировоззрения. В сочинениях Грозного широко использованы приемы церковной литературы; ссылки на дьявола как вдохновителя «злых» дел, аллегории, связанные с традиционной церковной символикой, и т. п. Иван Грозный, как было отмечено В. П. Адриановой-Перетц, блестяще владел библейским стилем.⁹

Церковнообрядовая лексика занимает большое место среди книжных слов, встречающихся в сочинениях Грозного. Обращает внимание обилие существительных, в том числе синонимов,¹⁰ с суффиксами «-ние», «-ость», «-ство», имеющими значение отвлеченности. С традициями церковной литературы связаны в большей мере и синонимика тождественных понятий, и пристрастие к придуманным сложным словам, в частности к сочетаниям с «благо», «зло».¹¹

Иван Грозный неизменно цитирует «священные книги». Однако он отступает от общепринятых приемов цитирования «строками» или «стихами». У Грозного, как с негодованием и чувством превосходства отмечает Курбский, «ото многих священных словес хватано... зело паче меры преизлишно и звягливо, целыми книгами и паремьями и посланьми».¹²

Значительным было воздействие на Грозного-писателя проповеднической литературы. Он постоянно, как и его противник Курбский, упо-

⁶ Сочинения князя Курбского. — РИБ, т. XXXI. СПб., 1914, стлб. 113.

⁷ Данные такого рода обобщены в исследовании С. Д. Никифорова:

1) Из наблюдений над языком и стилем посланий Ивана Грозного. — Уч. зап. Моск. гос. пед. дефектолог. инст., т. 1, 1941, стр. 59—85; 2) Из наблюдений над значением некоторых глагольных форм в памятниках второй половины XVI в. — Уч. зап. Моск. гос. пед. инст. им. В. И. Ленина, т. XLI, 1948, стр. 19—76, а также в его учебном пособии «История русского литературного языка» (М., 1947, стр. 34—35).

⁸ Курбский особо отмечает познания Ивана IV в «священных писаниях»: «ведущая священного писания искусства», «ведаю ты во священных писаниях искусства» (РИБ, т. XXXI, стлб. 113, 129, 148).

⁹ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947, стр. 62.

¹⁰ О синонимике имен существительных в сочинениях Грозного см. автореферат кандидатской диссертации М. И. Помигаловой «Лексика посланий Ивана Грозного» (Л., 1954).

¹¹ См.: Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1950, стр. 19—24.

¹² РИБ, т. XXXI, стлб. 113.